ИЗДАНО В КЕМЕРОВЕ

СКВОЗЬ ВСЕ ПЕРЕЖИТОЕ

Имя поэта Владимира Поташова кузбасскому читателю мало что говорит. Несколько редких публикаций в газете «Кузбасс» и альманахе «Огни Кузбасса» — вот, пожалуй, и все, что успел сделать автор при жизни. Только что вышедшая в Кемеровском книжном издательстве книга стихов «По небу птичья клинопись» — своеобразный памятник поэту, умершему в 1979 году.

Столь запоздалый дебют в литературу объясняется тем, что Владимир Поташов не очень-то стремился к выходу своего первого сборника. Вспоминаю 1972 год. На областном семинаре впервые в то время появился молодой поэт. Рукопись, которую он представил в числе других восьми авторов, была, наверное, самая зрелая. Уже тогда ее рекомендовали издательству, хотя немало высказывалось и критических замечаний. Так, один из руководителей семинара назвал его творчество деревом корнями вверх. Но даже эта явно ошибочная оценка его творчества не вывела автора из равновесия. Он совершенно не умел защищать свои стихи. Тогда он лишь грустно улыбнулся и ответил, что такого дерева отродясь никогда не видел.

Поташов был из поколения сороковых-роковых. Годовалым ребенком он вместе со своей матерью попал в фашистский концлагерь. На фронте погиб отец. Мать, сохранившая сына даже в концлагере, не уберегла себя: спустя год по возвращении из фашистского плена, погибла в автомобильной катастрофе. Дальнейшая судьба Владимира накрепко связана с детским домом.

К двадцати годам, пройдя суровую школу жизни, молодой начинающий поэт вынес из нее неприятие жестокости, несправедливости:

Мне рук не мыть в крови
лебяжьей,
Мне колос разминать
в горсти.

Так писал он и свято верил в это.

Как лучшие годы, остались в его памяти годы армейской службы. Об этом у него немало стихов, причем стихов искренних, высокохудожественных. В некоторых из них он сумел подняться над житейским фактом до высот поэзии. Потому и волнуют читателя чувства, которые испытал автор, когда после длительного плавания выходил из подлодки:

Как пахнет море! Свет
какой короткий —
Ни всполохов ночных,
ни криков птиц.
Мы обалдели, выйдя
из подлодки,
От тишины, не знающей
границ.

Большинство его стихов в этом сборнике — о труде. И это для него органично, так же как птице — воздух, рыбе — вода. Он умел пропустить через себя не только свой труд, но и труд современника. Вместе с автором мы восхищаемся простой работой грузчика, дровокола, кузнеца, шофера, лесоруба, матроса, кружевницы.

Даже интонация таких стихов по-крестьянски ладная, ядреная, как говорится, в самую точку. За интонацией угадывается и человек, по преимуществу сельский, работящий, жить на дармовщину не умеющий, не теряющий своего человеческого достоинства ни в каких превратностях судьбы. Достаточно прочитать его прекрасные стихи о послевоенной деревне, такие, как «Кого винить в разгневанную пору», «По избам, на стенах завстных», «Вечерний звон», «Суземное хмурое жито», «Коль глядеть от буерака», «Шофер» и другие, чтобы убедиться, что дерево его поэзии глубоко уходит корнями в народную почву.

Однако родной кров поэт потерял безвозвратно, а новый так и не сумел приобрести. Отсюда, наверное, такие строки:

И все ж возможностью
паденья
Пугает каждый поворот.

Жизнь к нему была поистине жестокой и несправедливой. До предела добрый и застенчивый, он был подвержен самым неожиданным ее бурям и, действительно, не избежал болезненных падений.

Когда читаю его поздние стихи, невольно сравниваю с теми, которые знал раньше. Что в них изменилось? Какая нота прозвучала особенно сильно? Может, эта:

Года протекут чередою,
Замкнутся извечным кольцом.
Я был, я братался с бедою.
Я вечным остался птенцом.

В какой-то степени, конечно, да. При всей его взрослости он в чем-то так и остался беспомощным птенцом. Образ нахохлившегося воробышка для Поташова не случаен. Здесь один образ целиком и полностью сливается с другим — образом самого поэта:

И холода не пройдены...
И косточки б погреть...
И некуда от Родины
Единственной лететь.

Он любил Родину по-настоящему, хотя, может быть, как-то по-своему:

Я дубы корчевал, я скалы
в щебенку дробил,
Я оратаем был, и ваятелем
был и воителем,
Только отчую землю, видимо,
странной любовью любил,
Потому как по ней,
По родной, я прошел
победителем.

Не парадокс ли это? Нет, не парадокс. Поташов очень сильно переживает насилие над природой, впрочем, как и над человеком. С одной стороны — необходимость входить в природу как в мастерскую, неутолимость насыщения ею, с другой — она для него храм. С одной стороны — чувствовать себя беззащитным, как она, с другой — быть воителем.

Стихи Поташова, не утратив своей жизненной основы, идущие от глубокого чувства, в последние годы приобрели и философскую мудрость. Здоровое начало этой поэзии для меня несомненно:

...И сквозь все пережитое
Лебедь белая плывет.

В. ПЕТРАШ.